

ЕКАТЕРИНА КОМАРОВА

Геройство улучшает жизнь?

Екатерина Комарова

Геройство улучшает жизнь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736128

ISBN 9785449314536

Аннотация

Книга повествует о судьбе девушки, в жизни которой сейчас происходят вещи, которые она бы не хотела, чтоб происходили: отец не верит ей, любимый парень, говорит, что она ничто... Но героиня всё переживает и смело смотрит в будущее. А вот какое будущее её ожидает – в книге.

Содержание

Часть 1. Начало	5
Кошмары сна и реальности	5
День вопросов и ответов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Геройство улучшает жизнь?

Екатерина Комарова

© Екатерина Комарова, 2018

ISBN 978-5-4493-1453-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Начало

Кошмары сна и реальности

Я проснулась от криков младенца. Не хочу, это неправда, отвратительный сон. Но тут меня схватили за волосы. Увы, это была правда похожая на отвратительный сон.

– Вставай, давай! Кто будет за ребёнком ухаживать, а? – проорал миловидный голос.

Ох, вот это самое чувство, когда голос настолько не сочетается с характером носителя на столько, насколько это возможно.

Я попыталась возмутиться, хотя уже знала, что всё зря:

– Но, это не мой ребёнок...

И тут же получил удар по щеке. Не было больно, но было обидно.

– Ты меня упрекать будешь?! Вставай! – голос негодовал, так как будто я только, что убила кого-то.

Я открыла глаза. Надо мной стояла женщина лет тридцати восьми. Коричневые волосы, идеальное лицо с чёрными глазами и такое же идеальное тело. И я описываю не себя. Знакомьтесь, это моя мачеха, Юлия Фёдоровна. Но, как вы поняли, только тело её красиво, а душа же нет. Мне кажется, она так горда своим телом, что сошла с ума от этого. Впро-

чем, я считаю, что все сошли с ума в этом доме.

– Вставай! – проорала мачеха опять.

Я переоделась и пошла в комнату Серафимы. Аккуратно взяв из кровати малышку по имени Ира, я стала успокаивать её и переодевать. Ира была единственным нормальным человеком в доме. Пока что.

В комнату зашёл парень шестнадцати лет. Коричневые волосы, голубые глаза и атлетическое тело. Знакомьтесь, старший сын мачехи, Владислав. Он сел на диван и угрюмо посмотрел на меня. Я ответила аналогично. Это единственный способ общения, который остался после... одной неприятной истории. И он, как и его мать обожал лишь себя.

А пока он ничего не делал, я посмотрела на кровать. На кровати беззаботно спала девушка двадцати лет. Рыжие, покрашенные волосы, зелёный глаз и голубой глаз, очень худое тело. Знакомьтесь, старшая дочка мачехи, Серафима. Она очень милая, но замкнутая девушка. А ещё малышку Иру, что я сейчас качаю, она родила от своего жениха, что не так давно разбился в автокатастрофе. Мне было очень её жалко, но что я могла сделать для неё? Ничего.

Сверху раздался гневный диалог с компьютером. Парень десяти лет. Русые волосы, зелёные глаза и чуть-чуть пухлый животик. Знакомьтесь, средний сын мачехи, Майкл. Он умный, приятный и хороший мальчик. И единственное качество, что его отделяло от абсолютно нормального человека то, что людей он называл техникой, а технику – людскими

именами. Например, я для него компьютер, а его компьютер – Святослава.

К этому времени малышка успокоилась и заснула.

В комнату зашла мачеха и гневно прошипела:

– Чего копошишься? Спускайся и подготовь Артура к прогулке на свежем воздухе, а потом погуляй. С ним, конечно же.

Артур, семи лет, младший сын мачехи, похожий на неё как две капли воды. Внешне. Ну, а внутри... Никто не знает какой он внутри. Он был рождён от брата мачехи, Павла Фёдоровича, и родился солнечным ребёнком. Его я жалела больше всех в этом доме. Я даже могу его назвать своим родным братом.

Я спустилась вниз, искупала и переодела Артура.

Усадив в коляску, я покатила его в парк.

Хорошо, что отец решил отдать Ульяну в деревню до школы: «Ведь Юленьке так будет тяжело справиться со всеми детьми!». Ульяна, это дочка моего отца и мачехи. Ульяне год.

В данный момент я завидовала своему родному брату. После того как наша мама у... ушла, Ярослав приехал на мотоцикле к нашему дому, собрал свои вещи и уехал. Как потом оказалось, он купил себе квартиру. Ему – то уже тогда было восемнадцать лет, а мне только сейчас пятнадцать. Да и деньги у него были.

Погуляв с Артуром два часа по парку, я пошла домой, за-

мечтавшись как было бы хорошо, если бы мама была жива или если бы я уехала к брату. Но у него, наверное, своих дел хватает...

– Светка! – услышала я голос лучшей подруги.

Я повернулась к голосу и подошла к Даше, показав, чтоб она говорила тихо.

– Привет, – тихо сказала я.

– Привет, – прошептала Даша, – Ну, а теперь я хочу серьёзно тебя спросить. Святослава, почему вы не выходите гулять? – сказала она очень чопорным голосом.

Я показала головой на мой дом, еле виднеющийся из-за холма.

– Что, эта женщина тебя не отпускает? – грустным голосом спросила Даша.

– Ага, – ответила я, постаравшись в ответ вложить всё моё равнодушие к мачехе. Не получилось.

Я беззвучно заплакала. Даша начала меня успокаивать. А я всё думала, что пока была жива мам я ни разу не плакала, а после того как она умерла, я плачу каждый день.

– Успокойся Света, Светочка моя. Тебе осталось три года потерпеть, и ты поступишь в медицинский университет, как ты хочешь.

– А вдруг не поступлю? Отец всё больше урезает меня в деньгах, чтобы оплатить очередной «лук» мачехе. У меня уже всем вещам по два года. Ещё с тех пор как была жива мама...

На это Даше было нечего сказать, но через минуту она всё же нашла, что сказать:

– Может, у брата попросишь платить за университет...

Я думала над этим, даже сказала отцу. Но он страшно разозлился и сказал:

– Брат твой испортил нашей дворянской крови всю репутацию. Если попросишь у него денег будешь не моя дочь...

Я тогда не поняла, что мой брат связался с опасными, но прибыльными мероприятиями, но уже тогда решила, что возможно я больше для отца не буду дочкой...

Но отец мне дорог...

В конце концов, Даша меня успокоила и довела до дому.

Я зашла в дом, уложила спящего Артура на его кровать и решила отдохнуть в своей комнате. Уже открывая свои двери, я почувствовала, что что-то не так. И сразу поняла почему. В моей комнате сидели два человека, разместившись на моих любимых пуфиках. Это была мачеха и какой-то парень. Они оживлённо разговаривали. Но тут мачеха заметила меня и шикнула на меня, мол, уйди отсюда поскорее, не видишь, взрослые люди разговаривают. Я задыхнулась от возмущения. Ладно, ты используешь меня как прислуга, но моя комната была моей, когда тебя ещё в этом доме не было.

Я очень сильно захотела зайти в комнату, но тут меня схватили за руку и потащили к кухне. Я уже была готова ударить незнакомца, но свет из кухни показал мне, что это бы-

ла всего лишь молчаливая Серафима. Она налила чай в две кружки и села пить его, намекая на то, чтобы я тоже села пить с ней чай. Я решила не расстраивать Серафиму, так что присоединилась к ней.

Голова моя была погружена в мысли о мачехе. Чего она хочет? У неё и так пять детей, да ещё и Серафима с Майклом неизвестно от кого. Она хочет родить третьего ребёнка неизвестно от кого и выдать его за ребёнка моего отца?

– Ты не волнуйся. Скоро этот дом опустеет, – раздался незнакомый милый голос.

Я посмотрела на Серафиму. Она молчала. Я стала искать источник звука.

– Почти все разбредутся сегодня по своим путям жизни. Правда с Владиславом придётся ужиться, а мачеху выгнать придётся тебе. Поверь, у неё есть маленькая своя квартира. Выгони! – как будто приказал голос. Или всё-таки приказал?

Опять я посмотрела на Серафиму, но она спокойно пила чай. То ли она делала вид, что ничего не говорила, то ли правда ничего не говорила.

Я повернула свою голову к часам. Час дня. У многих людей уже кончился обед, а вот у моего отца он только начинался. Отец приедет домой, а пока он будет мыть руки, я разогрею гречку и приготовлю яичницу. Он уже едет домой... А это значит, что он увидит свою жену с чужим парнем!

Я хотела влететь в свою комнату и предупредить мачеху об опасности, но передумала. Это же будет хороший повод

им расстаться. А это значит долой крепостное право, привет свобода.

Тут раздался крик, видимо парня:

– Что? Нет!

Он выбежал из моей комнаты. Через секунду раздался шум входной двери. Мачеха явно расстроилась и пошла в наш семейный погреб.

Прошёл час, два. Отец так и не приехал на обед.

Я решила воспользоваться ситуацией и пойти погулять с Дашкой, но вспомнила, что из одежды для прогулок у меня осталась только футболка с большой дыркой. Да и вообще у меня осталось мало одежды: эта футболка, школьные брюки, блузка, серебрястые туфли и кроссовки.

«Тогда надо поспать!» – решила я в душе. Я легла на кровать и заснула.

Я бежала по полю, устланному ослепительно белым снегом. Вдруг что-то хрустнуло, и моё тело оказалось в мёрзлой воде. Вверху в толще льда что-то блеснуло. Я поплыла туда. Но тут карп загородил мне путь и сказал знакомым голосом:

– Вставай, солнышко!

Я вежливо отказалась, помотав головой, и поплыла вверх. Но карп нежно схватил меня плавниками и немного потряс, повторяя, что мне надо вставать. Лёд всё больше отдалялся от меня, а вода всё больше напоминала очертания моей комнаты.

Я до конца открыла глаза. Надо мной стоял мужчина со-

рока лет. Русые волосы, зелёные глаза и худое тело. Знакомьтесь, это Николай Савельев, мой отец.

Снизу донёлся неразборчивый голос мачехи.

Я осуждающе посмотрела на отца.

– Почему ты не разведёшься с... ней? – в это слово я вложила всё своё отвращение.

Отец замялся, но твёрдо сказал:

– Ты знаешь, что бизнес, который принадлежал её отцу (не пуха не пера Фёдору Александровичу, конечно), после его смерти было переписано на Юлю...

Я отяжелено вздохнула:

– Но сейчас бизнес записан-то на тебя! – сказала я и для пушей убедительности провела рукой по своим жирным волосам (надо было помыть голову вчера), как бы говоря: «Даже волосы мои могут подтвердить».

– Официально, да... – растеряно произнёс мой отец.

– Так почему же ты не разведёшься? – снова повторила я свой вопрос – У нас же есть документы о разводе. Ей остаётся их только подписать и, прости прощай пташка.

– У неё нет квартиры...

Я не двухзначно хмыкнула.

– Даже если и есть, то кто её выгонит? Уж точно не я...

«Значит я» – мгновенно решила я.

– И вообще.... Если её выгонять, то это получается, мы её обокрали и выбросили на улицу? – неуверенно решил защитить отец мачеху.

Если мы б её не «обокрали», то прекрасного ювелирного бизнеса «Джульетта» уже бы не было, а мачеха была бы и без своей квартиры.

– И мы бы бросили её в беде? – с надеждой на ответ «Нет», спросил отец.

Я покачала головой. Мы бы не бросили её в беде, а она бы нас с радостью бросила.

– Зачем ты меня разбудил? – спросила я, наконец, отца.

– Представляешь, Майкла позвали в Москву. Он сегодня ночью уедет в университет программистов, – радостно сказал мне отец.

– Это всё?

– Нет. Ты не видела Ульяну с Ирой, а то я не увидел их вещей? – спросил отец.

– Они два дня как собирались уехать, вот может, и уехали, – не зная зачем, соврала я, – Это всё?

– Нет. Последнее. Ты кушать будешь?

– Нет, – сказала я и закрыла глаза.

Я провалилась в бездну сна.

После темноты мне ударил в глаза яркий солнечный свет, в нос – запах сладкой ваты и попкорна, а в уши резкий смех детей. Явно проходил какой-то летний праздник. Даша стояла рядом и тыкала пальцем в аренду лошадей, говоря сбивчиво, но восторженно:

– А после.... Там машина.... А конфета... Ммм.... Такая вкусная!

Она толкнула меня к аренде. Я заплатила за аренду и попросилась самовольно покататься на лошади. И хоть раньше я никогда не каталась на лошадях, я легко справилась с лошадыю. Я стала осматривать машину, про которую говорила Даша. Это была старая перекрашенная пожарная машина. Перекрашена она была в неприятный бирюзовый цвет, который резал мне глаза. К машине была подозрительно прикреплённая конструкция в виде пружины, которая разворачивалась и дети, что покатались на лошадях, откусывали прикреплённую к ней конфету. Моё время истекло. Милый старичок, хозяин этой аренды, предложил мне откусить эту конфету, но я вежливо отказалась из своих соображений: «Там же столько микробов!».

Старичок ухмыльнулся и предложил:

– Но в аренде ты уже заплатили за конфету.... Давай я тогда отдам тебе брошь, что мне не нужна, но она очень красивая.

Я пожала плечами, мол, делайте, что хотите.

– Только зайди в мою машину, – и он рукой показал на бирюзовую машину, – подожди меня.

Этот приятный милый старичок не внушал мне опасности, и я зашла. Вскоре он принёс брошку в виде ромашки. Я не стала разглядывать брошку, ведь как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят.

– Может, познакомишься с моим внуком, внученька? – с надеждой в глазах спросил старичок.

Я согласилась. Всё это было очень необычно, ведь я не доверяю просто знакомым людям, а тем более незнакомцу.

Старичок принёс кофе и чай на выбор. Я выбрала чай и попросила сахар.

– Две или три ложки, – скрипнул ужасный голос.

Я испугалась и выпустила кружку из рук. И тут же рука поймала кружку. Я посмотрела на спасителя кружки. Это был милovidный парень, лет двадцати. Гораздо милovidнее своего голоса.

– Скорее одну, – дрожащим голосом ответила я.

Тут в машину постучал ребёнок.

– Мой клиент, – сказал старичок, подмигнув мне.

Он стал выходить. Я хотела закричать «Останьтесь!», но не смогла.

Мы сидели молча. И тут взгляд парня упал на брошку, что преспокойно лежала в моём кармане.

– Это брошка моей покойной бабушки, сейчас она конечно дедушкина, но что она делает у...

Он сомкнул губы на полуслове. Мне кажется, я поняла, о чём он подумал.

Я хотела всё объяснить, но почему то расплакалась.

Он схватил меня за руку и вывел из машины. Праздника на улице как будто и не было. Он осмотрелся и потянул меня в чёрную ладу. Мы поехали в другой конец город. Да, именно так всё происходит в фильмах про маньяков. Сейчас он повезёт меня в свою берлогу, а там убьёт. А может и хуже.

Надо было вырваться, но я не знала как. Если выпрыгнуть и машины, то можно сломать себе кости или растянуть связки. И в том, и в том случае он меня догонит. А если.... Но тут машина остановилась. Я выпрыгнула и побежала, но почувствовала боль в ногах. Даже не боль, а усталость, как после кросса. Я обернулась и увидела его.

– Попалась воровка! Придётся тебя наказать! – прошипел отвратительный голос.

Я закричала, призывая людей на помощь, но все только обернулись и ничего не сделали. Я попыталась, побежать, но у меня свело ногу. Я упала. Надо было что-то сказать, чтобы он отстал. Сказать про свой возраст.

– Мне нет и шестнадцати! – захрипела я.

Он рассмеялся.

– Думаешь ты красивая? НЕТ.

Он ухмыльнулся.

– Но я уверен, что придумаю, что сделать. Надеюсь, ты здоровая.

Неужели уже второй человек пытается продать меня на органы?

Он взял меня на руки и понёс в сторону многоквартирных домов. Я закричала, что было моих последних сил...

Я вздрогнула и поняла, что я вся мокрая от пота. А ещё, что это всё было сон. Очень страшный сон.

Брошь. Может у меня есть такая? Я открыла коробочку для дневника своим ключом. В этой коробочке я хранила

всё самое дорогое: крестик, подвески, серьги, кольца, брошки и конечно свои мысли. Всё это мне подарила мама, а мачеха не замечала эту коробочку. Даже если бы заметила, то не смогла бы её открыть.

Я стала искать. И правда у меня была похожая брошь. Раньше я считала её детской. Серебряная ромашка с изумрудными листочками. Я не помню, откуда она взялась. Вроде кто-то подарил на десятое день рождения. Я нацепила её на футболку, а коробку закрыла и спрятала в комод.

События последних двух лет накатили на меня, и я заплакала. В комнату зашла мачеха и, злобно сверкнув чёрными глазами, сказала:

– Ложись спать! А то меня разбудила! А если моих детей разбудишь, а? – но тут она заметила брошку, – Ты что?! Мы имели возможность продать эту безделушку! У тебя их много? Отвечай честно!

– Было много, – сказала я и посмотрела на неё. Отчасти это была правда, ведь большую часть мы продали ради одежды для мачехи.

Мачеха разочарованно цокнула и всё же сказала:

– Мы продадим её, чтобы купить очень важную вещь...

Очень важной вещью была очередная кофточка, что посмотрела себе мачеха. «Не позволяй ей управлять собой! Скажи свои недовольства прямо ей в лицо!» – сказала моя душа.

– Нет! Это моё, а не твоё!

Она подбежала ко мне и ударила меня ладонью по щеке. Было не больно, а обидно, как и всегда. Душа (получается я сама себе) тут же подсказала: «Ответь ей! Заставь расписаться в том документе о разводе!»

Это я и сделала. Я была гораздо сильнее мачехи, поэтому у меня всё получилось очень быстро. Правда она хотела отказаться, но я скрутила её ещё сильнее. Она подписалась. А это были мои первые удары по живому существу.

«Не волнуйся! Скажи ей, чтоб она забрала свою одежду и пусть уходит!» – опять же подсказала мне душа.

– Когда сегодня будешь уходить, забери свою одежду, – сказала я.

Мачеха попробовала надавить на жалость:

– Но сейчас же ночь...

– Тебя это не останавливала, когда тебе хотелось, чтоб этот дом побыл без меня, – вспомнила я.

Она ушла, громко захлопнув двери, даже не взяв свою любимую одежду. И я была уверена, что ушла она навсегда.

Я посмотрела в зеркало. На меня смотрела измученная кошмарами во сне и наяву девочка с серыми глазами и запутанными светло-русыми волосами.

Я легла спать. Мне снилась темнота.

Утром я проснулась сама. Я пошла на кухню и увидела, что отец пьёт чай. Я подсела к нему.

– Вот и всё, папа. Наконец-то мы будем жить одни...

– Да.... Наконец-то, – сказал он притухшим голосом.

Я забеспокоилась.

– Разве ты не рад?

Похоже, он был не рад, так как закричал:

– А с чего мне радоваться? Я любил её. А ты разбила моё счастье! А главное из-за чего? Из-за ревности!

Он повернул своё лицо ко мне. Его капилляры в глаза были лопнувшими, а область ниже глаз припухшая. Похоже, он плакал.

Я встала и тихо сказала:

– Я разбила твоё счастье? Тогда твоя возлюбленная разбила мне всё. И кстати она тебя не любила. Она любила всех мужчин, кроме тебя.

Отец был возмущён.

– Не говори так о ней! Ты сама такая! Думаешь, Юля не рассказала, как ты заигрывала с Владиславом?

– Я заигрывала с Владиславом? Да он меня чуть ли не продал чёрному трансплантологу! – я орала на отца, – Ты постоянно веришь ей, заглядывая ей в рот! А она меня как за раба держала. Да ты кроме неё и работы ничего не видел!

Отец что-то хотел сказать, но промолчал.

Он любил её! А я думала, почему они не разводятся.

Не смотря на это, моя судьба начала слаживаться. Но надолго ли?

Зачесалась рука, почесав её, я пошла в комнату мачехи и одела первые попавшиеся вещи. Шорты и футболку с красным сердцем. Они мне подошли, только в груди футболка

была мне очень велика. Я посмотрела в зеркало и увидела не мокрую от пота девочку со спутанными волосами, а уверенную в себе смелую девушку.

– Это начало новой жизни, – сказала я отражению.

Отражение согласилось со мной.

День вопросов и ответов

Я зажмурила глаза. Что это было? Как будто отражение колыхнулось и покивало мне. Я открыла глаза, и теперь на месте моего отражения не было ничего. А я думала, что сошла с ума... Стоп. Я опять посмотрела в зеркало. Отражается вся комната, но нет меня. Как у средневекового вампира. Я повторила операцию с открыванием и закрытием век, но эффект был тот же.

Первая мысль была, что я схожу с ума. Краем глаза я заметила какое-то движение в районе потолка. Оттуда кто-то кашлянул. Мой дом наполнили демоны! Такова была моя вторая мысль. И вторая мысль подтверждала первую.

Нет, это не сумасшествие, а всего лишь паническая атака. Я резко повернула голову к потолку, чтобы дать себе понять, что это всего лишь моя фантазия. Но движение не то, что остановилось, оно ускорилось, и молекулы стали складываться в силуэт девушки.

Я вскочила на кровать и забилась в угол.

– Успокойся! – приказала я себе тихим голосом, – Просто не смотри в потолок и засни! Когда проснёшься, поймёшь, что ты просто слишком многое пережила».

Я улеглась на кровать, накинула сверху одеяло и закрыла глаза. Ни что не помешает мне уснуть. Даже это настойчивое постукивание в плечо.

– Ты обиделась, да? – спросил кто-то голосом отца.

А может это и правда отец? Я приоткрыла один глаз. И правда, это был мой отец. Я откинула одеяло и села на краешек кровати.

– Нет, – ответила я отцу обиженным голосом, а сама стала искать тот силуэт.

Никаких девушек не увидела. Фу, галлюцинация. Что-то зашевелилось на пуфике, что стоял дальше всех. Отец заговорил что-то про раскаяние и прощение, но моё внимание было сосредоточенно на девушке, что сидела на моём пуфике. Ох, какая странная галлюцинация. Разноцветные глаза: голубой и зелёный. Присмотревшись лучше, я поняла, что зрачок у зелёного глаза – продолговатый как у кошки. Усы как у кошки (чёрные). На одном ухе серьга (или клипса?) в виде потягивающейся кошки. Ну, прямо девушка-кошка.

В моей голове сложились множество вопросов, но один из них можно было проверить прямо сейчас. Увидит ли её отец? Я решила проверить. Я встала и пересела на пуфик, что стоял ближе к пуфику с девушкой.

Отец не обратил никакого внимания и только заговорил, о том, что он все исправит и будет уделять мне гораздо больше времени. И если я захочу, то и денег.

Я улыбнулась, вспомнив, что ни того, ни другого он мне последние два года вообще не выделял, и твёрдо ответила, заглянув отцу прямо в глаза:

– Раньше надо было думать, папа. Я уезжаю к брату.

– Зачем? – возмутилась кошка, а отец печально спросил тоже.

– Чтобы жить нормальной жизнью – ответила я зачем-то девушке-кошке.

Она удовлетворительно, но неуверенно кивнула

– Думаешь, я не понимаю, что пройдёт год-два, и ты найдёшь себе новую «маму», – ответила я отцу.

– Я обещаю, что этого не произойдёт, – сказал отец.

Я вздохнула. Раньше надо было думать папа. Но я ещё подумаю над этим вопросом.

А сейчас мне надо заняться этой девушкой. Я стала изучать её. Она вроде была телесная в отличие от призрака. На ней были порванные джинсы с завышенной талией и ярко-розовая футболка. Она только следила за моими движениями, но ничего не говорила и не делала.

Я подошла и ущипнула её за руку.

– Ай – вскрикнула девушка – Ну, то выше моего терпения.

Воскликнула она, встав с пуфика, и подлетела к зеркалу. Её тело начало уходить в зеркальную поверхность, которая сейчас пошла кругами от каждого её прикосновения. Может она не зря здесь? Она уже почти растворилась в зеркале, но я схватила её за руку. Я потащила её обратно, и она легко поддалась.

Я села на кресло. Надо спросить кто она, что здесь делает и зачем. Но она опередила меня:

– То-то же. А то сразу: «Я сошла с ума! Я сошла с ума!

Поможет ли мне что-нибудь? Наш дом заполонили демоны! Аааа!» – истерично спародировала она меня – Все мы отчасти сошли с ума. Но не в этом соль. Ты хочешь знать кто я, да? – спросила она, дожидаясь моего ответа. Так и не дождавшись хотя бы кивка, она продолжила – Я твоя душа...

Я невольно расхохоталась. Если она моя душа, то я бабочка. Она ж красива как белый лебедь и грациозна как кошка.

– О, спасибо за комплимент. Кстати, ты была бабочкой в позапрошлой жизни. Правда мотыльком, но кого это интересует? Ах, я отбилась от темы. Я твоя душа, мне 200 лет и меня зовут... меня, зовут Злата. Да, Злата, пусть будет так. Так вот, ты сейчас удивишься, – тут я подумала: «Чему мне ещё удивляться за сегодня», а она улыбнулась и продолжила, – но ты разбудила меня, тем, что нашла наталкивающий предмет.

Наталкивающий предмет? Мель что ли? Я рассмеялась.

– При чем здесь мель? – спросила Злата.

Я хотела было объяснить, но поняла, что она выжидающе смотрит на меня не потому, что ей это было интересно. Что ты хочешь от меня Злата-Пусть-будет-так? Она наклонилась к моему уху и прошептала:

– Спроси меня: «А, что такое наталкивающие предметы?».

– А что такое наталкивающие предметы, – спросила я без интереса, хотя сама заинтересовалась этими предметами.

– Спроси удивлённо, с любопытством, – жадно приказала

мне душа. Всё-таки это моя собственная душа.

Я спросила с той интонацией, какую попросила Злата. О, Господи как странно называть свою душу по имени.

– Это такие предметы, которые при правильной активации пробуждают в тебе способности. Вернее одну. Если ты конечно не величайший. Но ты явно не величайшая...

Я обиженно хмыкнула (хотя не имела понятие, что за величайшие люди (люди ли?)), но спросила:

– В смысле «при правильной активации»? И что подразумевает под собой «правильная активация»? И почему «правильная»? Бывает «неправильная»?

Злата улыбнулась. Видимо ей понравилось, что в этот раз я сама спросила без её намёков.

– Правильная активация, это когда ты после активации становишься положительным героем. А активация обычно происходит во сне. Там ты получаешь этот предмет, тем самым пробуждая в себе силы. Ещё есть вопросы? – спросила она и натянула улыбку ещё шире.

– Ты не ответила на последний вопрос.

Её улыбка стала уже, да и сама она замялась.

– Повтори последний вопрос – попросила она внезапно охрипшим голосом, но я прекрасно поняла, что она помнила последний вопрос, просто не хотела на него отвечать. По крайней мере, сейчас.

И всё же я повторила ранее заданный вопрос и добавила

НОВЫЙ.

– Бывают «неправильные»? И как они происходят?

– Да, бывают. После них герой становится отрицательным.

Происходят тоже во сне, – скрытничала она.

Я посмотрела на неё нетерпеливым взглядом.

– Темнишь, – только и сказала я.

Она посмотрела на меня большими грустными глазами с выражением, каким я смотрела, когда не хотела говорить ни сладкую ложь, ни горькую правду.

– Приходиться мутить воду с илом, чтоб ты не стала, как многие героини в наше время.

Я понимала, что знать мне этого правда не надо, но меня раздражала любопытство. Я улыбнулась. Злата вздохнула.

– Правильная активация, подразумевает в себе только один сон. При неправильной активации в первом сне тебе кто-то мешает, а во втором ты всё-таки получаешь предмет, но после этого тебе снится твой самый жуткий страх.

Улыбка медленно начала сползать с моего лица, так же медленно как до меня доходило, что у меня неправильная активация.

– Значит я отрицательная. Так почему же ты мне помогаешь, раз я плохая – с этими словами я подняла глаза на душу.

Она похлопала меня по плечу.

– В любом случае я должна буду помогать тебе. Я же *твоя* душа. Но ты не отрицательная... – она хотела ещё что-то сказать, но остановилась и стала кусать нижнюю губу.

«Она хотела сказать, что ты хуже. Хуже чем отрицательная, но и не положительная героиня» – пронеслось со скоростью пули в моей голове.

– Ты не отрицательная, но и не положительная будущая героиня. Твой второй сон окончился опровержением твоего самого жуткого страха. Страшным опровержением, но от такого опровержения тебе не страшно. Ты не боишься ни вреда здоровью, ни смерти. Так вот. Ты знаешь, что есть цвета чёрный и белый. А ты серый цвет. Но ты сама решаешь, на какой цвет тебе походить

«Но ты никогда не будешь белой или хотя бы чёрной» – перефразировала я.

– А вот здесь ты не права. Тебе выбирать быть положительным или отрицательным героем. Конечно к положительным героям тяжёлый и долгий путь. Но я знаю тебя. Ты сможешь пройти этот путь и не сломиться. И я сказала, что ты точно не великая, не потому что у тебя нет к ней склонности, а потому что ты не такая как все.

Но если я смогу стать положительным героем, зачем мне становиться великим.

– И правда, зачем? У тебя ещё есть вопросы? – спросила Злата.

Я стала думать и поняла, что меня мучает один-единственный вопрос.

– Ты говорила, что у меня появится супер способность? – спросила я.

– Не супер, но способность, – согласилась со мной душа.

– Так какая способность у меня у меня? – спросила я с любопытством.

– Я не знаю, – пожала плечами Злата.

– Как?! – неподдельно удивилась я.

– Вот так. У тебя ещё нет способности. Но на этой неделе ты должна её получить. Это может случаться на улице или дома, в реальном мире или во сне. Будет хорошо, если во сне, потому что во сне ты можешь понять какая способность. Если запомнишь, то вообще будет хорошо.

– Но ты же можешь запомнить мой сон. Ты же запомнила активацию, а значит и какой-то глупый сон про мою способность, запомнишь – позёвывая, сказала я.

К этому ко всему этому я относилась легко, но видимо только у меня в этой комнате был лёгкий настрой к этому.

– В-первых неглупый сон, а сон, который распределит тебя. А во вторых нет. Я не запомню твой сон. После активации пройдёт всего лишь день, и я буду понимать тебя с полуслова, а не с полу мысли, если мысль не направлена не меня. А сон обычно проходит в третьем-четвёртом дне. Вернее ночи... Может и позднее.

Злата продолжала что-то говорить, но я её не слушала. Мне просто стало грустно от новой новости. Ведь это единственный человек (вернее душа, но всё равно), который понимал меня с полу мысли. И то только один день. Неужели я настолько сложная, как и говорил мой одноклассник Гриня?

Неужели я настолько сложная, что даже душа меня не понимает? Я всхлипнула.

– Ты слишком многое себе накручиваешь. Никто не может понимать друг друга с полу мысли. С полуслова ещё возможно.

– Да... – я всхлипнула, – меня... – я опять всхлипнула, – даже с полуслова... – опять печальный всхлип, – никто не понимает, – я заревела.

– Почему никто? Владислав, – тут человеческие уши её превратились в кошачьи, которые вздёрнулись, – Ох, ты привлекла внимание своим рыданием. Кто-то идёт сюда. Хорошо, что с третьего этажа. Быстро ложись на кровать и укутайся в одеяло.

Я именно так и сделала, меня это даже успокоило.

– Эх. И если уж заревела, то продолжай, чтобы не вызывать подозрения. Хотя когда этот человек зайдёт, постарайся успокоиться, показывая, какая ты сильная.

Но я уже успокоилась, и плакать дальше не собиралась. Ноги, что были вверху, спускаются по лестнице и идут в мою комнату.

В комнату зашёл и присел на краешек кровати. Кто это?

– Сейчас узнаешь, – сказала Злата, затаив дыхание.

Я произвольно всхлипнула. Раздался вздох, который перед разговором использовал лишь один знакомый мне человек.

– Ты обижаешься? – спросил отец и сразу же ответил, –

Конечно, обижаешься. Ты, прости меня за Юлю. Когда ты успокоишься, посмотри, что я тебе принёс. И пожалуйста, не выбрасывай.

Отец ещё немного посидел, встал и вышел из моей комнаты. Я быстро стала выпутываться из одеяла, но запуталась ещё больше. Злата улыбнулась и подошла ко мне. Она стала выворачивать меня из одеяла.

– Ты можешь двигать предметы? – удивилась я.

– Конечно, – недоуменно сказала Злата, как будто я должна это знать.

Когда меня выпутали из одеяла, я подошла к пакету. Пакет был красивый и праздничный.

– Ну, взгляни, наконец, то, что там, – нетерпеливо сказала Злата, – а то я открою.

Я взяла пакет и открыла его. Первое, что бросилось в глаза – фиолетовый цвет. Мне уже определённо нравится. Я стала доставать предмет и поняла, что это была одежда. Это было очень пышное платье. Оно было такое, какое я мечтала.

– Но его никуда не оденешь, – печально произнесла я.

И правда, я его никуда не одену. Ведь окружающие меня люди, думают, что я – сорвиголова, а не мечтательница.

– Куда-нибудь оденешь, – радостно сказала Злата.

Я легла на кровать и закрыла глаза. Это была роковая ошибка. Ведь я уснула.

Вокруг моих ног вертелись кошки и собаки. Я присела и погладила одну большую собаку и сразу почувствовала, что

мой зрачок уменьшился. Перед моими глазами пронеслась жизнь этой собаки. Вот она и её мама. Вот звонок в дверь. Кто-то проходит и берёт на руки. Руки несут её в дом. Она радостна лает. Запоминает хозяев. Радостно выполнять команды, и так каждый день.

– Это ты... Это ты моя наследница. Я преклонился бы перед тобой, но не могу, ведь я умираю, – этот голос я уже где-то слышала.

Я повернулась на звук и увидела того старичка, который участвовал в моей активации. У меня была к нему симпатия, не то, что к его внуку. Но, что он делает здесь?

– Я передаю тебе мои способности, – ответил на мой вопрос старичок.

Видимо я спросила вслух. Но какую именно?

– Присаживайся, – вежливо сказал старичок.

– Но куда? Разве это вежливо садиться на собаку? – удивлённо спросила я.

И правда, кроме животных тут ничего не было.

– Это твой сон, ты можешь придумать нам столик с чаем, – подсказал старичок.

Я сразу же представила изящный столик с двумя чашками. В одной чай, в другой кофе. Я зажмурилась.

– Можешь уже открывать глаза, – смеясь, сказал старичок.

Я открыла глаза и увидела, все, как и представляла.

– Но может, всё-таки сделаешь два стула, – попросил старичок.

Я представила два обычных деревянных стульев и тут же, как будто с небес свалились два стула.

– У тебя интересный стиль, – с уважением сказал старичок.

Мы присели. Я со стороны кофе, а старичок со стороны чая.

– Я хочу сейчас передать тебе одну способность, но у тебя она явно эволюционирует, как не знаю.

Зная, как у меня все навыки развиваются, я рассмеялась.

– Видимо в обратную сторону, – предположила я и спросила, – А что за способность?

Старичок пригубил чая и сказал, обтирая усы своим платком:

– Ты сможешь разговаривать, видеть жизнь собак и кошек.

Я расстроилась. Я же явно не стану героиней с такими способностями.

– Не расстраивайся. Ты сможешь превращаться в собаку или кошку, – ободрил меня старичок.

Откуда-то сверху донеслось: «Света, вставай!».

– Тебе уже зовут? Но мне нужно сказать тебе ещё кое-что. Ты имеешь...

Но, а что имею я так и не узнала, потому что проснулась.

Я посмотрела на душу.

– Что ты хотела? – спросила я Злату.

– Хотела чтобы ты примерила твой костюм на прогулки

верхом, – радостно сказала она.

– Ты хоть понимаешь, какой сон мне снился? – разочарованно спросила я.

– Нет, не понимаю. Я просто замечталась о костюме и не смотрела твой сон.

Она посмотрела мне в глаза. И поняла. И испугалась. И расстроилась.

– Прости, меня! Я самая худшая душа за всю историю, – рыдала она у меня на плече.

– Не волнуйся, я же узнала свою способность, а всё остальное не важно, – попыталась я успокоить Злату Дашкиным способом.

Она немного успокоилась, но всё равно продолжала ворчать, о том, что она самая худшая душа и вообще как я её терплю.

Я прилегла на кровать и стала думать обо всём произошедшем. Я получила способность, и буду спасать мир.

– Конечно, но тебе нужно посетить храм Олифы.

Я недоуменно посмотрела на душу. В первых – это где? Во вторых – почему Олифы? В третьих – зачем мне в этот храм?

– Олифы – это с древней души, с языка древнейшей души, герой. Это не так уж далеко. Это в твоём предмете. В твоей брошке. Узнаешь там, зачем.

Я покачала головой, всё больше недоумевая. Где-где?! Как мы туда попадём? Мы же большие, а предмет малень-

кий. Да ещё он плотный, как и мы. А может и плотнее.

Злата вздохнула и вяла меня за руку. Она прикоснулась к моей брошке, что лежала на комодe, и нас затянуло прямо в брошку, невзирая на все законы физики и химии.

Я открыла глаза. Мы очутились в огромном мраморном зале. Вот это красота! Потолки-окна с видом на прекрасное предутреннее небо. Большие мраморные колонны, какие я только видела в сериалах про восемнадцатый век в России. А мраморные стены украшали живые цветы в мраморных горшочках. Какое прелестное место!

– Хватить восторгаться, – равнодушно сказала Злата, хотя глаза её с интересом замерцали.

Я хотела состричь по этому поводу, но решила, что просто послушаюсь её приказу. Ведь не затем, чтобы красотой заглядываться мы здесь, а чтобы.... А чтобы, что?

– А чтобы получить твой костюм для героини, – мрачно ответила Злата.

Но зачем он мне? У меня теперь есть кучи костюмов. Некоторые можно было бы использовать за костюм. Злата мрачно рассмеялась.

– Представляю эту картину. Надежда человечества бежит по крыши и на ходу превращается в маленькую кошку. Потом в большую. Мир спасён. Героиня превращается обратно. И тут оказывается, что на ней ничего нет. Ведь, когда она превращается в кого-то, одежда или рвётся, или спадает, – на этих словах она посмотрела на меня.

Что-то здесь не так. Злата весёлая девушка, а сейчас она просто извергает зло. Что же с ней случилось?

– Ничего, со мной не случилось, – печально, но всё равно как то агрессивно произнесла она, – А ты должна пойти в раздевалку и одеть на себя специальный костюм для церемонии посвящения, после которой тебе передадут твой костюм для героини.

Я стала искать двери. И нашла три двери: зелёная, красная и синяя. И в какую дверь мне?

– Тебе в зелёную, раз уж захотела пойти в «хорошую» героиню, – сказала Злата и отвернулась от меня.

– Разве ты не пойдёшь со мной? – удивилась я.

– Нет, – равнодушно ответила Злата и растворилась в воздухе.

Я зашла в зелёную дверь, а за мной очень милая девушка с розовыми волосами и с азиатскими чертами лица. Может она тоже героиня? Но девушка дала мне белый костюм, который покрывает всё тело (кроме носа и глаз).

– О, я бы сама разобралась, – я была обескуражена заботливостью милой девушки.

– Конечно, нет, – улыбнулась она, – Кстати, меня зовут Юкки. Я не героиня, так как душу у меня нет, но зато я помогаю юным положительным героиням. В следующий раз, когда ты будешь в своём костюме, познакомимся ещё раз. Если у тебя будет следующий раз.

Она улыбнулась ещё шире, а я думала, зачем знакомиться

ещё раз.

– Не надо так громко думать, а то твои мысли слышны за километр. А знакомиться нам придётся. Ведь я сейчас вижу твоё лицо, а потом я буду видеть только маску.

До меня дошло, но я уже забыла, как зовут эту девушку.

– Ладно, давай дубль два. Меня зовут Юкки, я из Японии. Ты из России, я это уже слышу, но какого твоё имя?

Из Японии? Но как она меня понимает?

– Я Святослава. Для друзей просто Слава или Света, – ответила я на её вопрос и задала свой, – Если ты из Японии, то почему ты меня понимаешь?

– Таких «героев» как я учат всем языкам мира, даже мёртвым. Но хватит болтать, переодевайся. А то на свою первую церемонию опоздаешь.

Я переоделась и сразу почувствовала запах миндаля. Так вот с чем моют эти костюмы!

Мы прошли лабиринт одинаковых стен и полов. И вдруг встали перед чёрными дверьми. Мы зашли туда. Церемония проходила за ещё одними дверями. Но пока мы просто стояли в крошечном помещении, своей миссией напоминающий предбанник. Было душно. И темно. Мне хотелось кушать. А ещё сбежать отсюда. А ещё больше проснуться и понять, что сегодня пятнадцатого июля и весь этот бред со способностями сон. Ведь быть героиней, наверняка большая ответственность.

Я услышала краем уха звук, как будто, что то разбилось. Я

взглянула на Юкку, но только стукнула её своим подбородком. Она не обратила на это внимание.

– Пора, – только и сказала она.

Я толкнула высокую мощную дверь в предбаннике. Она легко поддавалась, не смотря на большой вес.

Я оглянулась в надежде, что Юкки пойдёт со мной, но не увидела ни её, ни одежду. Кстати, куда девалась моя одежда? Но этот вопрос в данный момент должен интересовать меня меньше всего.

Но Злата же всегда... А нет, её тоже нет сейчас со мной. По моей коже бегали пугливые мурашки, а их топил холодный пот. Я попыталась спокойно пройти в помещение церемоний, но запнулась и чуть ли не упала. Но чуть ли не считается, верно?

Тени, что стояли в сумраке колонн зашевелились. Показались белые халаты (или не халаты, но я не знаю, как это ещё назвать). Я ожидала, что увижу азиатские лица, которые будут посвящать меня в ученики, но меня ждала разочарование. Белые капюшоны откинулись и разом, как будто по команде зажглись подвески на колонах. Свет сначала ослепил меня, но потом я привыкла и стала разглядывать лица. Серьёзно? Да, да, дома мне русских парней то и не хватало. Но я ведь ждала кого-нибудь старичка буддиста, из-за которого мне придётся мыть полы, чистить картошку и испытать ещё много неприятных испытаний, чтобы меня посветили в войны. То есть посветили в герои. Но как есть, так уж есть.

– Ты видно расстроена нашим видом – как будто прочитав (или прочитав?) мои мысли, сказал молодой человек – но не волнуйся, испытания ещё будут, только не мы их на тебя будем насыпать, а жизнь, то начнётся у тебя. Жизнь героини.

Да, этот парень и правда умеет читать мысли.

Тут заговорил старичок, глаза у которого горели ярко синим огнём:

– Ты ещё не знаешь своего будущего, но я знаю. Не буду тебе ничего говорить...

Все в зале тяжело вздохнули.

– ...но скажу тебе о будущем твоём так: великое будущее, но туманное. И вот тебе совет. Только ты сама и только сама выбираешь, на какой цвет тебе походить...

Тут руки молодого паренька затряслись, и он чуть ли не выронил какую-то ёмкость.

– Что случилось, Гриша? – сразу спросили все пророки.

– Я, я родился истинным героем и не смог им стать из-за того, что запнулся. А она, она же не такая...

Я почувствовала себя как тогда на балу выпускников академии искусств. И пятилетняя я в пышном, розовом платье. Меня явно здесь не должно было быть. Я хотела поискать надежду в глазах Юмки или Златы. Но их здесь нет. Удачно вспомнила, Света, удачно.

– Я, наверное, пойду, – сказала я, готовая расплакаться.

Никто из пророков не заметил моих слов, потому что все

успокаивали Гришу. Я пошла в сторону двери и уже переступила порог, но упала обратно, потому что с кем-то столкнулась.

Я подняла глаза. Там стоял взрослый мужчина лет сорока в пёстром костюме дятла. Я чуть ли не рассмеялась, но тут же поправилась.

– Извините, что не смотрю по сторонам, – всхлипнула я.

Я встала и отправилась к выходу, но мужчина приказал:

– Зайди обратно.

Я мотнула головой. Мужчина схватил меня на руки и понёс в зал церемоний. Меня охватил ужас. После сна активации я боялась всех парней, а этот мужчина взял меня на руки точно также как тот парень. Я окаменела. Он положил меня в кресло (как оно тут появилось?), а сам спросил пророков.

– Это же будущая партнёрша Орла? Не говорите, что нет. Сегодня я видел сон, где слышал её голос. Почему вы её выгнали? – явно угрожающе спросил мужчина.

Тут ответил Гриша:

– У Орла есть напарница, это Красивая дева.... А эта девушка просто.... Она даже не положительная героиня.

– А, что если я скажу, что эта «Красивая дева» оказалась самозванкой, а? А если я скажу то, что её подослали наши враги, а? А эта девушка истинная героиня. И они с Орлом будут первые герои, которые будут действовать у всех людей на глазах. А то, что она не такая как мы, так это вообще ничего не обозначает. Орёл такой же как она. Главное, что они

выбрали правильный путь – ответил он на слова Гриши и повернулся ко мне – Будешь шоколадку?

Я кивнула. Сейчас я была готова съесть хоть гору Эверест из шоколада. Он протянул две плитки белого шоколада, и я взяла одну.

– Бери обе, они мне всё равно не нужны.

Я взяла и вторую, но открывать и есть, я постеснялась.

– Вы дали ей костюм? – строго спросил мужчина в костюме дятла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.